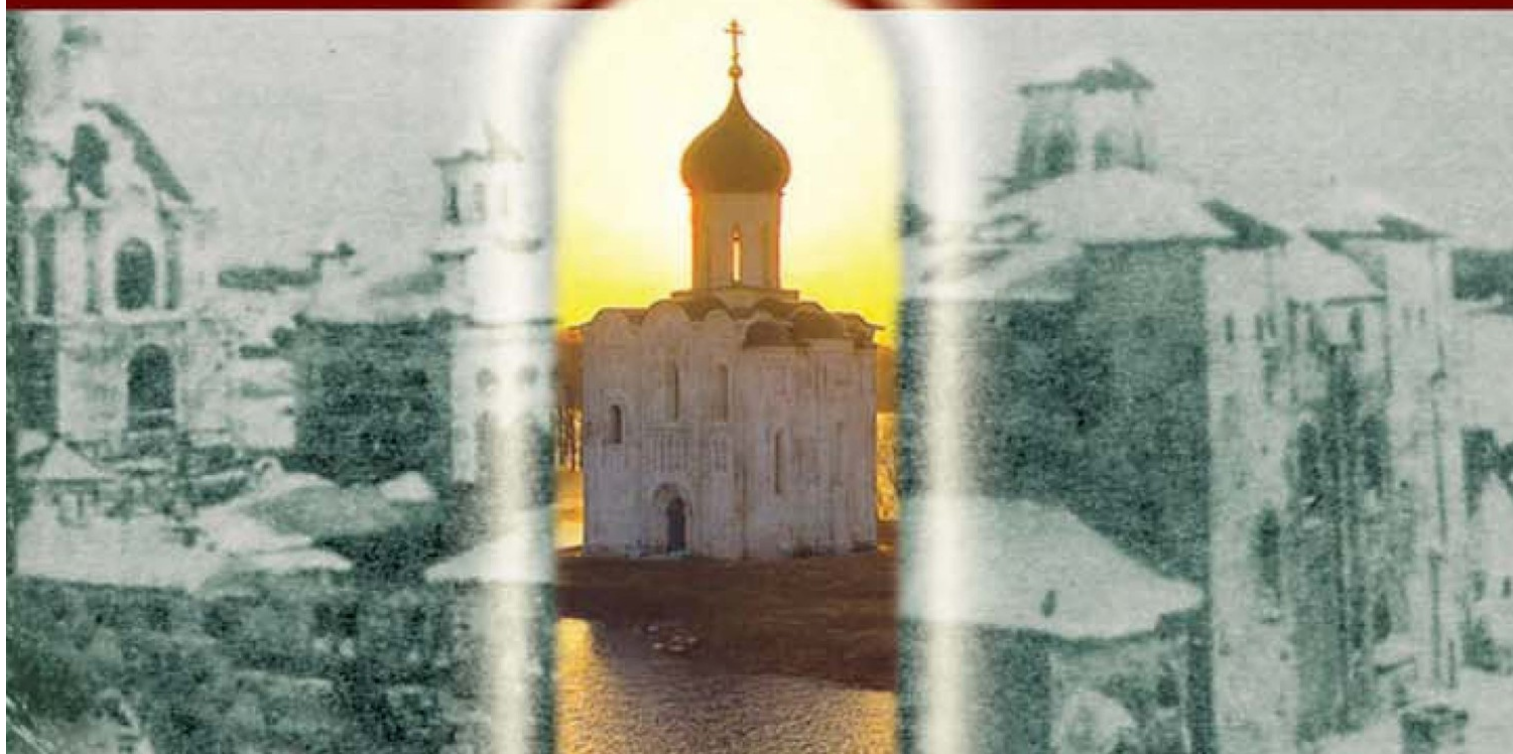

Священномученик
Иларион (Троицкий)

ХРИСТИАНСТВА НЕТ БЕЗ ЦЕРКВИ

Иларион (Троицкий)
Христианства нет без Церкви

«Издательство Сретенского Монастыря»

1915-1925

УДК 271.22(470+571)-726.3:929Иларион
ББК 86.372.4

(Троицкий) И.

Христианства нет без Церкви / И. (Троицкий) — «Издательство
Сретенского Монастыря», 1915-1925

ISBN 978-5-7533-1354-6

Признак истинного философа – жизнь согласно убеждениям. Священномученик Иларион не только оставил нам в наследие глубокие и вдохновенные литературные труды, но и своей жизнью засвидетельствовал их высокое значение. Учение о Церкви он доказал своим самоотверженным церковным служением, апологию монашества – иноческими добродетелями, проповедь радостного христианства – благодушием в страданиях. Богословие владыки Илариона никогда не было отвлеченным и схоластическим, но всегда самым непосредственным образом относилось к жизни и ее насущным вопросам, а на его публицистических работах лежит тот отблеск вечности, который позволяет видеть вещи в их подлинном образе.

УДК 271.22(470+571)-726.3:929Иларион

ББК 86.372.4

ISBN 978-5-7533-1354-6

© (Троицкий) И., 1915-1925

© Издательство Сретенского
Монастыря, 1915-1925

Содержание

Носитель торжествующего христианства	6
Христианства нет без Церкви	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

священномученик Илларион (Троицкий)
Христианства нет без Церкви

© Сретенский монастырь, 2017

Носитель торжествующего христианства

1

В ряду святых Русской Православной Церкви, доказавших свою верность Христу в годы страшных гонений XX века, выделяется священномученик Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский, церковный деятель, сподвижник Святейшего Патриарха Тихона, знаменитый проповедник начала 20-х годов, богослов святоотеческого направления. Могучая, светлая личность владыки Илариона необычайно привлекала и до сих пор привлекает к себе непрестанной радостью о Боге, чистотой и величиим души. Вся жизнь святителя – торжествующее, мужественное стояние за идеалы Церкви, завершившееся мученическим подвигом.

Архиепископ Иларион, в миру Владимир Троицкий, родился 13 сентября 1886 года в семье сельского священника Алексея Троицкого. Отец будущего архиепископа служил в Благовещенском храме села Липицы Каширского уезда Тульской губернии. Позже, когда владыка Иларион приезжал домой, в родное село, он всегда служил в этом храме.

Липицы расположены в живописном месте на берегу Оки. «Широка, просторна страна родная! – писал позднее владыка Иларион, – бедна она внешними эффектами, но богата красотами духа!.. И есть всего одно украшение... смиренных селений... – Божии храмы с колокольнями смотрятся в зеркало русских рек. С детства привык... видеть такую именно картину на своей родине, на берегах родной Оки. Взойдешь у нас в Липицах на горку, посмотришь на долину Оки – верст на сорок видно вдаль».

Детство будущего архипастыря прошло в благочестивой атмосфере. Жизнь семейства Троицких отличалась патриархальной строгостью и неукоснительным следованием православным обычаям. Троицкие были родом потомственных священников. О деде Владимира, отце Петре, сохранились сведения как о человеке редкой образованности; среди народа он пользовался большим авторитетом и любовью. Когда он умирал, все жители села пришли к нему проститься и получить от него последнее благословение. Дед и отец священномученика Илариона были похоронены возле храма в Липицах.

Кроме Владимира в семье было еще два младших сына, Дмитрий и Алексей, и две дочери, Ольга и София. Дмитрий, средний из братьев, впоследствии принял монашеский постриг с именем Даниил и со временем стал архиепископом Брянским. Скончался он в 1934 году в тюрьме от тифа. Самый младший, Алексей, также избравший для себя стезю священника, сделался преемником своего отца по служению в Благовещенском храме села Липицы. При большевиках он разделил судьбу новомучеников российских – был расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой.

Мать владыки Илариона, Варвара Васильевна, умерла рано; воспитанием детей после ее смерти занималась ее незамужняя сестра – учительница церковно-приходской школы, Надежда Васильевна. Нередко ей приходилось брать с собой на уроки маленького Владимира. Необыкновенно способный ребенок быстро научился читать. А поскольку с раннего детства он все церковные службы проводил на клиросе, то легко овладел и церковнославянским языком. Будучи пяти лет он уже читал в храме часы и шестопсалмие.

Однажды, когда самому Володе было пять лет, он взял за руку своего младшего трехлетнего брата и отправился в город «учиться». По дороге маленький братик от усталости заплакал и стал проситься домой, на что Володя сказал: «Ну и оставайся неученым». На упреки отца будущий архиепископ серьезно ответил: «Папа, не расстраивайся! А как же Ломоносов? Ведь он пешком пошел в Москву – и я тоже решил идти учиться!»

Позже мальчика отдали в Тульское духовное училище. Блестяще окончив его в 1900 году, Владимир поступил в Тульскую духовную семинарию, а после ее окончания, также с отличием, в 1906 году был послан на казенный счет в Московскую духовную академию.

Один из современников владыки Илариона, священник Г. Добронравов, писал: «Владимир Алексеевич поступил в академию в 1906 году, когда чад и угар революционный, проникавший и за стены академии, только начал рассеиваться, но не исчез еще окончательно. И Владимиру Алексеевичу пришлось много пережить, видя, как он говорил, «позор академии, променявшей светлые ризы чистой и трезвой науки на яркие, но грязные разноцветные лохмотья уличной политики», позор той академии, которую он любил, как «свою возлюбленную невесту»... Но гроза не прошла бесследно для Владимира Алексеевича: его всеанализирующий ум не мог успокоиться, пока не отыскал причины, почему пронесшийся шквал захватил столь широкие круги: «...одним из главнейших условий, определивших такой масштаб движения, была бесцерковность нашего общества в его массе, утратившего связь с Церковью, порвавшего с ее исконными традициями... Как только это определилось с достаточной ясностью... он посвятил свои обязательные сочинения и свои досуги разработке вопроса о Церкви и церковности».

Еще учась в академии Владимир Алексеевич сосредоточил свое внимание на историко-догматической апологии девятого члена Символа веры. В историю русской богословской мысли владыка Иларион вошел преимущественно как ученый, посвятивший свою деятельность раскрытию православного учения о Церкви. В академии, сначала будучи студентом, а потом преподавателем, он написал работы «Христианство или Церковь», «Гностицизм и Церковь в отношении к Новому Завету», «О церковности духовной школы и богословской науки», «О необходимости историко-догматической апологии девятого члена Символа веры», «Покаяние в Церкви и покаяние в католичестве» и другие.

Меньше десяти лет владыка Иларион занимался научной деятельностью, но и за этот кратчайший отрезок времени успел сделать немало. «Верую во едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь» – так можно определить направление его трудов. Для владыки Илариона было ясно, что христианство неотделимо от Церкви, что под христианством нельзя «понимать сумму каких-то теоретических положений, ни к чему никого не обязывающих... Христианами тогда следует признать и бесов, которые тоже веруют и от этого только трепещут» («Христианства нет без Церкви»). Христианство – это жизнь в Церкви; именно в Церкви человеку даются силы для того, чтобы не только принять учение Христа о любви, но и исполнить его. У святителя Илариона даже встречается такая, на первый взгляд, дерзновенная мысль, хотя и основанная на словах святых отцов:

«Очевидно, книги Священного Писания не составляют сущности христианства, потому что само христианство не есть учение, а есть именно новая жизнь, создаваемая в человечестве Духом Святым на основе воплощения Сына Божия». «Священное Писание – одна из сторон общей благодатной церковной жизни, и вне Церкви Священного Писания, в истинном смысле этого слова, нет». «Нет христианства, – восклицает священномученик Иларион, – нет Христа, нет благодати, нет истины, нет жизни, нет спасения – ничего нет без Церкви, и все это есть только в единой Церкви!» («Священное Писание и Церковь»).

За время учения в академии Владимир Троицкий был награжден премиями Митрополита Московского Макария и Митрополита Московского Иосифа, был признан лучшим по успеваемости студентом за последние 50 лет существования академии. Владимир Троицкий заведовал издательским отделом Пастырско-просветительного братства при академии, занимаясь изданием и распространением листов духовно-нравственного содержания для простого народа, участвовал в опеке школы-приюта для восьми-девятилетних детей.

В 1908 году Владимира Троицкого за выдающиеся успехи послали за границу. Вместе с группой студентов и преподавателей он побывал в Сербии, Болгарии, Турции, Греции,

на Афоне. Об этом путешествии он написал в своей работе «От академии до Афона». С особой болью он переживал отсутствие единства славянского мира. А посещение Константинополя и храма Святой Софии вызвало у него размышления о том, что «самая главная черта византизма – проникновение всей жизни религиозными началами и интересами, это дивное сочетание небесного и земного, это – настоящее богочеловечество, а не наше современное человекобожество» («От академии до Афона»).

Окончив в 1910 году академию со степенью кандидата богословия, Владимир Алексеевич был оставлен при ней в качестве профессорского стипендиата, а через год был назначен исполняющим должность доцента кафедры Священного Писания Нового Завета.

Владимир Алексеевич тщательно готовился к лекциям. Он взял себе за правило: написав лекцию в тетрадке, всегда оставлять ее дома и рассказывать, не пользуясь никакими записями.

Молодой преподаватель обращался к студентам с такими словами:

«... Всякая деятельность в основе своей имеет дарование Духа, а по своему обнаружению и по целям она должна быть церковным служением... Не ради нас даны нам силы душевные и способности различные, а ради Церкви, и не себе должны мы угождать своей деятельностью, а Церкви... Церковное послушание беру на себя и я, восходя на эту кафедру. Ведь только Церковь дает смысл и цену земному бытию; только служение Церкви, по моему верованию и убеждению, дает смысл и цену нашей земной деятельности... Если не служить Церкви – нет никакого смысла во всякой деятельности и незачем тогда жить на Божием свете» («О церковности духовной школы и богословской науки»).

И эти слова владыка Иларион оправдал всей своей жизнью.

С 1910 по 1912 год в свободное от преподавания время Владимир Алексеевич работал над магистерской диссертацией. 1 марта 1912 года он обратился в Совет Московской духовной академии с прошением принять его магистерский труд для защиты. Совет назначил двух рецензентов – профессора М.Д.Муретова и профессора С.С.Глаголева.

11 декабря состоялась защита магистерской диссертации В.А.Троицкого «Очерки из истории догмата о Церкви». Один из рецензентов, профессор С.С.Глаголев, сказал: «Такие книги, как книга господина Троицкого, не часто являются на Руси. Появление их есть праздник богословской науки». А профессор М.Д.Муретов свой отзыв закончил такими словами: «Если бы от меня зависело, я без всяких колебаний признал бы диссертацию Троицкого вполне достойной не только магистерской, но и докторской степени». 16 января 1913 года Святейший Синод утвердил Владимира Троицкого в звании магистра богословия и в должности доцента.

Во время работы над диссертацией, летом 1912 года, Владимир Троицкий второй раз ездил за границу. В этот раз он посетил несколько западных стран и посвятил своему путешествию, которое длилось месяц, очерк «Письма о Западе». Восхищаясь великими произведениями западного искусства, красотой природы, достижениями материальной культуры, Владимир резко писал о «религиозной бедности, религиозном убожестве» Западной Европы и несравнимом превосходстве святого Православия, «превосходстве православного богослужения пред западноевропейским еретическим».

«Наружный вид Кельнского собора может очаровать. Посмотри, какая сложность рисунка, какая сложность художественного замысла, какая масса архитектурных мелочей! И при всем том, какое изящество, какая тонкость работы, какое единство художественного целого!.. Проходит некоторое время, и начинаешь чувствовать, что в этом прекрасном, художественно построенном храме чего-то недостает, и недостает чего-то существенного. Начинает работать мысль, стараясь ответить на вопрос о том, чего недостает Кельнскому собору и всякому готическому храму. Сам собою скоро выплывает ответ: здесь недостает Бога, недостает святости, недостает жизни... О чем говорит Кельнский собор, если к нему присмотреться внимательнее? Он говорит о рационализации христианства на Западе; он говорит о мечтательности болезненной мистики Запада. Рационализм совершенно не терпит церковного благолепия;

он желает, чтобы и храмы были так же сухи и безжизненны, как логические схемы, а загнанное и задавленное чувство обращается в чахлый сентиментализм. В рационализме равны и католицизм, и протестантизм... О, как почувствовал я... несравненное превосходство святого Православия» («Письма о Западе»).

2

Подошел Великий пост 1913 года. Молодой богослов не сомневался в своем монашеском призвании, которое для окружающих очевидным не было: душевная одаренность и внешняя красота, веселость и общительность могли вводить в заблуждение относительно его внутреннего устройства и жизненных установок. Но за этими веселостью и общительностью стояла радость о Боге. Один из его студентов, С. Волков, впоследствии писал в своих воспоминаниях: «Иларион любил говорить, что насколько христианин должен сознавать свои грехи и скорбеть о них, настолько же он должен радоваться бесконечной милости и благодати Божией и никогда не сомневаться и не отчаиваться в своем жизненном подвиге». А сам священномученик Иларион писал:

«Есть и на земле носители торжествующего христианства, всегда радостные, всегда с пасхальными песнопениями на устах, и лица их – как лицо Ангела» («Вифлеем и Голгофа»).

Выбор монашеского пути для Владимира Троицкого был вполне естествен, грех воспринимался им как страдание: «Как с грехом неразрывно связано его и следствие – страдание, так с добродетелью соединено блаженство» («Вифлеем и Голгофа»), «Сама добродетель есть блаженство, а грех есть страдание» («Письма о Западе»).

Единственным препятствием, которое стояло на пути Владимира Троицкого к монашескому пути, было то, что монах не свободен в выборе послушания. Его могли определить на церковно-административную должность, чего он не желал и к чему не чувствовал призвания. Наконец Владимир Алексеевич все-таки решился и в день празднования Торжества Православия подал прошение о постриге.

Перед принятием монашества Владимир Алексеевич писал своим родственникам:

«Простите меня, дорогие мои, за все мои преступления против вас, ведомые и неведомые. Земно кланяюсь вам и прошу забыть все злое мое. Помолитесь за меня... Иду в путь свой светло и с радостью. Теперь уже томлюсь – скорее бы загородиться от преследующего меня по пятам мира черными одеждами».

Постриг был назначен на 28 марта в пустыни Святого Параклита, находившейся неподалеку от Троице-Сергиевой лавры. Владимир Алексеевич сам выбрал эту уединенную пустынь для своего пострига. На постриг приехали многие преподаватели академии и студенты: настолько была велика популярность молодого доцента.

После того как постриг был совершен, преосвященный Феодор (Поздеевский) дал монаху Илариону мудрое наставление: «Я знаю и не хочу скрывать сейчас, в чем твоя жертва Христу. Ты искушался и, быть может, теперь еще искушаешься любовью к той школе, которой ты служишь, и чувством опасения, как бы иночество не лишило тебя этой школы. Но что такое академия без Христа?! Это пустое место и мертвый дом». Отец Иларион и сам это понимал. Еще за четыре года до этого он писал:

«Что такое богословие? Оно для многих есть только знание богословских истин, но не знание Бога. Знание же Бога есть наука опытная. Только чистые сердцем Бога узрят, и потому истинное богословие должно быть благочестием, и только тогда принесет оно плод по роду своему» («Да не будут тебе бози инии!»).

Вот как пишет о своем постриге сам отец Иларион:

«...Думаю, что не придется еще в жизни пережить такой радости, какую я пережил 28 марта 1913 года. Эта радость у меня не прошла с окончанием обряда... Так все ликовало в

душе, так радостно было... По опыту могу сказать, что не напрасно при постриге монашеском постригающий, взял рясу, глаголет: “Брат наш... облачится во одежду веселия и радости духовныя, во отложение и попрание всех печалей и смущений от бесов, от плоти и мира находящихся; во всегдашнее же его о Христе веселие и радование, во имя Отца и Сына и Святаго Духа”» («Единство идеала Христова»).

Именно эту чистую радость святитель пронес через всю свою жизнь.

В письме своим родным через месяц после пострига он писал:

«Я мир понял и примирился с ним, и очень жаль, что мир вовсе не хочет примириться с монашеством. А стоит только сознаться: ведь не одна же форма жизни должна быть для всех. Я избрал ту, которая мне казалась, а теперь и оказалась наиболее подходящей. Не жалеете, а сорадауйтесь, потому что я теперь радуюсь. А что значит Иларион? Веселый».

11 апреля 1913 года, в Великий Четверг, отец Иларион был рукоположен в иеродиакона, 2 июня, на Троицу, – в сан иеромонаха, а 5 июля – возведен в сан архимандрита. Началось почти ежедневное служение, приносившее ему новую, особенную радость. Пасху 1913 года отец Иларион пережил особенно глубоко; позже он вспоминал, что читал в ту пасхальную ночь Евангелие по-арабски. Совершение литургии было центром его жизни, красоту богослужения владыка Иларион ставил выше всякой земной красоты, он глубоко переживал каждое слово богослужебных текстов. С.Волков вспоминал: «Величественно и красиво Иларион совершал богослужение. Было нечто возвышенное, легкое и прекрасное в его чтении Евангелия, произнесении возгласов и молитв звучным и раскатистым голосом, властно заполнявшим все пространство обширного академического храма. Столь же звучно раздавался он и в Успенском соборе нашей лавры, и в храме Христа Спасителя в Москве... Он отдавался богослужению всей душой, всем существом своим, как главному делу жизни».

Но прошло всего два месяца, как он был пострижен в монашество, и случилось то, чего он опасался: 30 мая архимандрит Иларион был назначен инспектором Московской духовной академии. Вместо богословских занятий и преподавания ему предстояла полная суеты и отнимающая возможность заниматься наукой административная должность.

С того времени, как отец Иларион был назначен на административную должность, жизнь его совершенно переменилась. Родным он писал:

«Сейчас чувствую больше всего одно: совершенно выбит из колеи, разрушены до основания мои планы и намерения касательно ближайшего будущего, а оно у меня намечено было на целые годы. Настроение подавленное. Дел целая куча, в квартире базар, человек пятьдесят в день перебивает. Письма, телеграммы... Отвечать нужно, а иногда едва одно письмо в день написать ухитришься... Роптать не ропщу, потому что монах – церковная вещь. Личной жизни у него нет – одИн Куда поставят – берись и работай. Три года уж каникул у меня не было, на нынешние было рассчитывал, но вышло не по-моему. Слава Богу за все!»

Через год после пострига он писал:

«Хорошая вещь монашество, но оно прошло мимо меня почти мельком. Беда моя вся в том, что у меня нет одиночества, а без одиночества мне жить трудно; теряется покой».

В 1914 году академия отмечала свой столетний юбилей, но все юбилейные торжества были отменены, началась Первая мировая война. Во время всенародного молебствия на площади в Сергиевом Посаде архимандрит Иларион обращался к собравшимся:

«Пробил грозный час суда над русской землей. За последние десять лет мы все немало грешили. Мы, русские люди, допустили в нашей родной земле распространиться неверию. У нас небывалое прежде развращение нравов. Мы, русские люди, грешны пред нашей славной историей. Мы грешны пред памятью и заветами наших предков. Мы грешны пред нашими родными святынями. Стали мы терять страх Божий. Разучились любить царя и Родину. Мы привыкли поносить и хулить все свое и родное, хвалить и превозносить все чужое. Пришел час искупить пред Богом наши народные вины, наши народные грехи».

А своим студентам отец Иларион говорил о необходимости «освободительной войны» в богословии, освободительной от католического и протестантского влияния, от схоластического духа, проникшего в школьное богословие:

«В эти военные дни я и обращаюсь к вам с призывом. Вы освобождены от воинской повинности, вы сидите не в окопах, а за партами – так не уклоняйтесь от необходимого набора в воинство Христово, в действующую уже небольшую армию богословов! Схоластическая крепость – это наш, академический участок общего фронта».

В мае 1915 года за свои труды архимандрит Иларион был награжден орденом Святой Анны II степени.

После событий февраля 1917 года в академии произошли перемены. Новым обер-прокурором от Временного правительства В.Н.Львовым с должности ректора был смещен епископ Феодор, а временное управление академией возложено на инспектора архимандрита Илариона. Но уже в следующем учебном году (1917–1918) ректором был избран профессор А.П.Орлов, а архимандрит Иларион назначили помощником ректора.

Как инспектор, а потом проректор отец Иларион заботился в первую очередь о воспитании в студентах церковности. Он привлекал их к активной церковной, просветительской и проповеднической деятельности. С.Волков в своих воспоминаниях дал такой портрет владыки Илариона: «Высокий и стройный, с очень умеренной и пропорциональной полнотой, с ясным и прекрасным взглядом голубых глаз (он был немного близорук, но никогда не пользовался очками), всегда смотревший уверенно и прямо, с высоким лбом... с небольшой окладистой русой бородой, звучным голосом и отчетливым произношением, он производил обаятельное впечатление. Им нельзя было не любоваться... Пожалуй, целостность и была главной чертой его личности. Это смелый, исключительно талантливый человек все воспринимал творчески... Иларион благодатно влиял на меня своей личностью – прямоотой, властностью в отстаивании своих убеждений, восторженностью совершаемого им богослужения, энергией и жизнерадостностью... У него самого была поразительная восторженность и любовь ко всему, что было ему дорого и близко, – к Церкви, к России, к академии, и этой бодростью он заражал, ободрял и укреплял окружающих». В воспоминаниях Волкова есть даже такая характеристика архимандрита Илариона: «Для меня Иларион стоит в одном ряду с такими лицами, как патриарх Никон... Илариону нужен был простор исторической арены, чтобы размахнуться чисто по-русски...»

15 августа 1917 года, в день Успения Божией Матери, в Успенском соборе Московского Кремля начал свою работу Поместный Собор Русской Православной Церкви, Собор будущих мучеников и исповедников. Главной задачей Собора было восстановление патриаршества, но мнения по этому вопросу разделились. Среди защитников патриаршества особенно выделялась личность архимандрита Илариона (Троицкого), выступившего с яркой речью, которая произвела на слушателей огромное впечатление:

«Есть в Иерусалиме “стена плача” ... В Москве, в Успенском соборе, также есть русская “стена плача” – пустое патриаршее место. Двести лет приходят сюда православные русские люди и плачут горькими слезами о погубленной Петром церковной свободе и былой церковной славе. Какое будет горе, если и впредь навеки останется эта наша русская “стена плача”! Да не будет!» («Почему необходимо восстановить патриаршество?»)

Архимандрит Иларион аргументированно доказал, что там, где разрушается принцип иерархии, разрушается церковная жизнь. Но уже тогда он провидел, каким будет служение нового русского патриарха:

«Теперь наступает такое время, что венец патриарший будет венцом не “царским”, а, скорее, венцом мученика и исповедника...»

Личность молодого архимандрита, конечно, не была широко известна большинству членов Собора. Но когда 28 октября члены Собора приступили к избранию патриарха, одним из кандидатов в патриархи был выдвинут архимандрит Иларион.

5 ноября 1917 года старец Зосимовой пустыни Алексей в храме Христа Спасителя вынул из ковчега, стоявшего перед Владимирской иконой Божией Матери, жребий с именем новоизбранного Патриарха Всероссийского Тихона.

Восстановление патриаршества явилось исполнением заветного желания архимандрита Илариона. По свидетельству одного из современников, после избрания святителя Тихона отец Иларион не смог сдержать радостных слез во время торжественного крестного хода, в котором участвовал новоизбранный патриарх.

Зиму 1918–1919 годов архимандрит Иларион посвятил лекциям в Духовной академии и службам в московских храмах с обязательной проповедью, а также занятиям в комиссии по устройству мировой конференции христианства. После перевода из лавры в Москву отец Иларион поселился на Сретенке у своего друга, профессора Московской духовной академии протоиерея Владимира Страхова, служившего в храме Троицы в Листах.

С приходом к власти большевиков сразу же начались гонения на Церковь. И отец Иларион сделался посредником между патриархом и государством, верной опорой Святейшему Тихону в отстаивании интересов Церкви. Архимандрит Иларион занял при патриархе должность секретаря и главного консультанта по богословским вопросам, за которой на деле стояла роль человека, во всех контактах с советской властью заслонявшего собой патриарха...

10 марта 1919 года архимандрит Иларион был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Своим близким он писал из тюрьмы со свойственным ему оптимизмом:

«Завтра исполнится два месяца, как я арестант, и продолжаю состоять таковым, а сколько мне остается быть таковым – не знаю. Вызывали меня к следователю. “Дело” мое и следователю показалось смешным, и вины он никакой не нашел. “Завтра, – говорит, – об этом доложу в коллегии”. Увы! После допроса прошло 16 дней, а я ничего о себе не знаю. Вопрос “почему?” в нашей славной республике вообще ведь неуместен.

Живу я по-прежнему хорошо: совсем здесь обжился, будто так и нужно. Здесь я даже поправился, потолстел, физически чувствую себя совсем хорошо. Чтобы усилить циркуляцию крови – начал ходить на работу, например выкачивать воду из тюремных подвалов. Хорошо, что несколько часов проведешь на воздухе и немного мускулы разовьешь. За работу еще фунт хлеба прибавляют. Питаюсь по настоящему времени прекрасно. Время идет незаметно; даже досадно, что, например, книги медленно читаются. Жизнь идет размеренная, правильная. Будь все это где-нибудь в хорошей местности, прямо санаторий. Весна что-то плохо о себе заявляет в природе, а потому как-то не обидно быть за стенами и решетками... Сейчас в камере собралось у нас три профессора. Читаем время от времени лекции: прошли курс стенографии. Прямо считаю нужным сказать, что эти два месяца прожил я и не без пользы, и даже интереснее, чем жил бы вне тюрьмы».

Первое его тюремное заключение продолжалось около трех месяцев.

3

В день памяти святителя Ермогена, 12 (25) мая 1920 года, в храме Троицкого патриаршего подворья архимандрит Иларион был хиротонисан патриархом Тихоном во епископа Верейского, викария Московской епархии. Святителю было 33 года.

В своем слове в день наречения владыка Иларион сказал: «...Боялся архиерейства и всегда немало говорил против своего епископства. А ныне стою перед вами, архипастыри, приняв звание ваше, и нимало вопреки глаголю, ибо тверда моя надежда на Господа. Вижу ныне ясно, что велика нужда в делателях на ниве Божией... Господь Милосердый да примет душу мою,

сию малую лепту, вметаемую в сокровищницу Церкви, для употребления на общую пользу. Воля Господня да будет. Но исповедую и то, что ныне смущает бедную душу мою. Был я грешным мирянином, стал грешным монахом, сделался грешным иереем, но быть грешным архиереем – трепещу. “Чем столько согрешила Церковь Божия, чем так прогневала Владыку своего, чтобы быть ей предоставленною мне, презреннейшему из всех, и подвергнуться такому посрамлению?” Так восклицает Иоанн Златоуст. Какими же словами скажу я, грешный и окаянный паче всех человек?»

С этого дня жизнь его совершенно изменилась. Теперь он окончательно потерял возможность заниматься любимой наукой. Владыка Иларион работал на Троицком подворье у Святейшего Патриарха Тихона, служил практически каждый день и утром, и вечером, иногда в день приходилось говорить по две проповеди. Если и выпадали у него свободные часы, то их он использовал на подготовку к проповедям. В редкие свободные от богослужений дни владыка с утра до позднего вечера принимал приходивших к нему за разрешением насущных проблем. За год своего архиерейства он отслужил сто сорок две литургии, более ста сорока всенощных, произнес триста тридцать проповедей. И все это при том, что два месяца он был болен тифом. Болезнь вызвала осложнение на сердце, и впоследствии большое сердце давало о себе знать при малейшем переутомлении.

Об этом времени сам владыка с присущим ему юмором писал: «Совсем потерял свободу. Будто арестант, прикованный к своей тачке, – так и живу. Не только дней нет свободных, нет и часа свободного, когда мог бы я заняться тем, чем хочется, а не тем, что нужно к спеху. Уж хоть бы в Бутырку на отдых взяли. Это единственная доступная нам дача или санаторий. Не знаю, как-то сил еще хватает, хотя нередко и силы падают, и дух оскудевает». «Некогда читать, некогда писать, некогда... даже грешить. Ради третьего, может быть, Господь и устраивает мне такую жизнь».

После принятия епископского сана жизнь владыки оказалась связанной со Сретенским монастырем, настоятелем которого он был назначен. Поскольку власти захватили большинство монастырских помещений и обосноваться владыке в монастыре было уже негде, он по-прежнему жил у отца Владимира при церкви Троицы в Листах. На службах в Сретенском монастыре владыка часто пел и читал на левом клиросе, говорил проповеди. Люди ходили специально в этот монастырь, чтобы послушать владыку Илариона. Известность его и любовь к нему народа возрастала: за ним закрепились имена «Иларион Великий» и «Новый Златоуст».

Активная церковная деятельность владыки Илариона, его проповеди, блестящие выступления на диспутах и помощь патриарху Тихону явились причиной второго ареста, 22 марта 1922 года. Поводом к аресту послужил беспорядок во время престольного праздника в Сретенском монастыре. Из Третьяковской галереи в монастырь была принесена Владимирская икона Божией Матери, и кликуши подняли вокруг нее шум. На этот раз Коллегия ГПУ постановила выслать святителя на один год в Архангельскую губернию.

4 июля 1922 года епископ Иларион вместе с этапом заключенных прибыл в Архангельск и 10 июля был освобожден из тюрьмы. После ежедневной загруженности, после следствия и этапа ссылка действительно показалась неожиданным отпуском. Крупный город, почти в центре – дом, в котором владыке Илариону выделили отдельную комнату с выходящими на солнечную сторону окнами. Первое время он почти целыми днями гулял по набережной Двины, наслаждаясь свежим воздухом и покоем. Тревожили только известия о церковных событиях. И, кроме того, угнетало то, что ему, как ссыльному, нельзя было часто служить в храме.

«Служу я очень мало. 15 июля тихонько в церкви рядом с домом послужил, а сегодня в соборе кафедральном. И только. А это верно: в праздники мне скучно без службы, хотя ведь и в будни тоже никакого дела. Одним словом, в моей жизни много и хорошего, главное – свободное время и можно учиться. Пригодится ли это учение когда – не знаю. Ну, для себя!»

«И сам не знаю причины, почему я переселился сюда. “Дела” у меня никакого не было. Все обошлось “без суда и следствия”. Видно, так нужно. Промысл Божий может действовать и через злодеев. Они думают, что свою злую волю творят, а на деле не то – волю Божию благую исполняют. Как и со мною. Мне, несомненно, благо уже в том, что скрылся я от мятежа человеческого...»

В 1923 году над Церковью нависла смертельная опасность. Власти действовали как извне, так и изнутри – используя обновленческие силы. В мае состоялся обновленческий собор, на котором патриарх Тихон был объявлен лишенным патриаршего сана и монашества. Кроме того, были приняты решения, подрывающие устои церковной жизни. Обновленческое движение поддерживалось властями, и патриаршая Церковь фактически оказалась вне закона.

В своих письмах святитель Иларион часто затрагивал обновленческое движение, о котором он отзывался очень резко: «Что же касается смуты церковной, кроме глупости и безобразия, в ней ничего не вижу... Знаю и некоторых новых “деятелей”. Ждать от них добра, как если бы идти в кучу крапивы и искать малины. Зла от этих деятелей будет очень много. И многим от них придется пострадать...». «А уж “оживляют” Церковь пусть другие; нам с ними не по пути. ...Мы лучше по ссылкам поедем, а преклоняться перед наглостью, бессовестностью и глупостью не преклонимся. Дело-то не Божие, а потому разорится рано или поздно».

21 июня 1923 года владыку Илариона вызвали в Архангельское ГПУ и здесь объявили, что ему разрешено уехать. 5 июля он уже был в Москве.

В этот период почти все московские храмы были заняты «живоцерковниками», и сразу же после своего освобождения владыка Иларион приступил к решительным действиям против обновленческого раскола.

Вечером 5 июля он уже служил всенощное бдение в соборе Сретенского монастыря, где до этого были обновленцы. Перед началом службы владыка совершил чин освящения храма. Обращаясь к духовенству монастыря, святитель Иларион призвал покаяться в участии в обновленческом движении, в противлении патриарху. Призывая принести открытое покаяние, владыка говорил, что те, кто не покается, будут не только не допущены к участию в службе, но и не смогут войти в алтарь.

На следующий день в соборе служил патриарх Тихон. Народу собралось столько, что храм не смог вместить всех, и люди молились у его стен. Владыка Иларион говорил проповедь. Служба, начавшаяся утром, закончилась только к шести часам вечера.

Вот свидетельство современника (Левитина-Краснова): владыка Иларион «сразу же становится в полном смысле слова правой рукой патриарха... Трудно было придумать для патриарха Тихона лучшего помощника, чем епископ Иларион. Великолепный, пламенный проповедник, умевший говорить просто и эмоционально, ревностный служитель алтаря, владыка Иларион пользовался огромной популярностью среди московского духовенства и буквально обожанием народа... Быстро поняв... позицию патриарха, епископ сразу стал ее активным проводником. Он в эти дни переговорил с сотнями священников, мирян, монахов и монахинь. Он договорился в приходах о чине их присоединения к патриарху, разработал чин покаяния, принял тут же десятки обновленцев, пришедших к патриарху с покаянием. Благодаря неукротимой энергии этого человека церковная организация в Москве была восстановлена в два дня». Эта характеристика тем более ценна, что ее автор сам участвовал в обновленческом движении.

Будучи прекрасным оратором, владыка Иларион произносил проповеди, направленные против обновленческого раскола, выступал на диспутах с лидерами обновленческого движения. По воспоминаниям Варлама Шаламова, отличительным признаком его речей была уверенность в истине, и это действовало на людей безотказно и глубоко.

Владыка настоял на том, чтобы клириков принимать через покаяние, но если они свой сан получили в обновленчестве, этот сан не признавать. Обновленческие храмы все заново освящали, что по канонам делается с храмом еретическим.

В начале июля 1923 года владыка Иларион был возведен в сан архиепископа. Святитель Тихон включил владыку в состав Временного патриаршего Синода. Святейший Патриарх называл его своим «ближайшим помощником».

4

В ноябре 1923 года патриарх Тихон был внезапно вызван в ГПУ на Лубянку, от него потребовали, чтобы он немедленно выработал декларацию о примирении с обновленческим архиепископом Евдокимом (Мещерским). Однако патриарх отказался самым решительным образом. Беседовавший с патриархом Тучков, сменив тон, вежливо простился, но уже через несколько дней был арестован архиепископ Иларион, в котором Тучков видел главного виновника провала своей политики.

На этот раз святитель был осужден на три года концлагерей. Его обвинили в «распространении ложных слухов и агитации против советской власти под религиозным флагом». 1 января 1924 года его привезли в пересыльный пункт на Поповом острове, а в июне отправили на Соловки. Увидев весь ужас обстановки, даже он, жизнерадостный и бодрый, сказал: «Живыми мы отсюда не выйдем».

На Соловках владыка был лесником, живя в Варваринской часовне; как сторож жил в Филипповской пустыни, был сетевязальщиком и рыбаком. Об этой работе он говорил с присущим ему юмором переложением слов стихир на Троицын день: «Вся подает Дух Святой: прежде рыбаки богословцы показа, а теперь наоборот – богословцы рыбаки показа».

Владыка Иларион смотрел на все духовными очами, и все служило ему на пользу. Он подчеркивал, что заключение – бесценная школа добродетелей. Обкрадывают – есть повод воспитать в себе нестяжательность, оскорбляют, бьют – смиришь и возлюби обидчика. Во всем владыка Иларион видел волю Божию и все принимал с благодушием.

«Как-то привезли на Соловки молодого иеромонаха из Казани, которому дали три года ссылки за то, что снял с диакона-обновленца орарь и не позволил ему служить с собой. Архиепископ одобрял иеромонаха и шутил по поводу разных сроков заключения, данных тем или иным лицам независимо от тяжести их “преступлений”».

“Любочестив бо сый Владыка, – говорил архиепископ Иларион пасхальными словами Иоанна Златоуста, – приемлет последнего якоже и первого; упокоевает в единонадесятый час пришедшаго, якоже делавшаго от первого часа. И дела приемлет, и намерение целует, и деяние почитает, и предложение хвалит”.

Слова эти звучали иронически, но давали чувство мира и заставляли принимать испытание как от руки Божией... Любовь его [владыки Илариона] ко всякому человеку, внимание и интерес к каждому, общительность были просто поразительными. Он был самой популярной личностью в лагере, среди всех его слоев. Мы не говорим, что генерал, офицер, студент и профессор знали его, разговаривали с ним, находили его или он их, при всем том, что епископов было много и были старейшие и не менее образованные. Его знала “шпана”, уголовщина, преступный мир воров и бандитов именно как хорошего, уважаемого человека, которого нельзя не любить. На работе ли урывками или в свободный час его можно было увидеть разгуливающим под руку с каким-нибудь таким “экземпляром” из этой среды. Это не было снисхождением к младшему брату и погибшему, нет, владыка разговаривал с каждым как с равным, интересуясь, например, “профессией”, любимым делом каждого. “Шпана” очень горда и чутко самолюбива. Ей нельзя показать пренебрежения безнаказанно. И потому манера владыки была всепобеждающей. Он, как друг, облагораживал их своим присутствием и вниманием. Наблюдения же его в этой среде, когда он делился ими, были исключительного интереса.

Он доступен всем, он такой же, как все, с ним легко всем быть, встречаться и разговаривать. Самая обыкновенная, простая, несвятая внешность – вот что был сам владыка. Но за этой

заурядной формой веселости и светскости можно было постепенно усмотреть детскую чистоту, великую духовную опытность, доброту и милосердие, это сладостное безразличие к материальным благам, истинную веру, подлинное благочестие, высокое нравственное совершенство, не говоря уже об умственном, сопряженном с силой и ясностью убеждения. Этот вид [обыкновенности], юродство, личина светскости скрывали от людей внутреннее делание и спасали его самого от лицемерия и тщеславия. Он был заклятым врагом лицемерия и всякого “вида благочестия”, совершенно сознательным и прямым.

В “артели Троицкого” (так называлась рабочая группа архиепископа Илариона) духовенство прошло в Соловках хорошее воспитание. Все поняли, что называть себя грешным или только вести долгие благочестивые разговоры, показывать строгость своего быта не стоит. А тем более думать о себе больше, чем ты есть на самом деле... Привезли однажды в Соловки одного игумена. Архиепископ спрашивает его:

– За что же вас арестовали?

– Да служил молебны у себя дома, когда монастырь закрыли, – отвечает отец игумен, – ну, собирался народ, и даже бывали исцеления...

– Ах, вот как, даже исцеления бывали... Сколько же вам дали Соловков?

– Три года.

– Ну, это мало, за исцеления надо было дать больше, советская власть недосмотрела...

Само собой понятно, что говорить об исцелениях по своим молитвам было более чем нескромно» (митрополит Иоанн (Снычев) Санкт-Петербургский и Ладожский).

Святителя Илариона уважало духовенство, уважали уголовники, уважали даже охранники. Нередко охранники как бы невзначай называли его владыкой, что на Соловках было практически исключено.

Борис Ширяев в своей книге «Неугасимая лампада» вспоминал:

«Силе, исходящей от всегда спокойного, молчаливого владыки Илариона, не могли противиться и сами тюремщики: в разговоре с ним они никогда не позволяли себе непристойных шуток, столь распространенных на Соловках...

Владыка Иларион всегда избирался в делегации к начальнику острова Эйхмансу, когда было нужно добиться чего-нибудь трудного, и всегда достигал цели. Именно ему удалось сконцентрировать духовенство в 6-й роте, получить для него некоторое ослабление режима, перевести большинство духовных чинов на хозяйственные работы, где они показали свою высокую честность. Он же отстоял волосы и бороды духовных лиц при поголовной стрижке во время сыпно-тифозной эпидемии. В этой стрижке не было нужды: духовенство жило чисто. Остричь же стариков-священников значило бы подвергнуть их новым издевательствам и оскорблениям.

Устраивая других – и духовенство, и мирян – на более легкие работы, владыка Иларион не только не искал должности для себя, но не раз отказывался от предложений со стороны Эйхманса, видевшего и ценившего его большие организаторские способности. Он предпочитал быть простым рыбаком».

Именно владыка Иларион сумел добиться разрешения службы на Пасху в 1925 году не только для духовенства, но и для всех заключенных. Он даже уговорил начальника лагеря дать для службы из музея на эту ночь древние хоругви, кресты и чаши. Про облачение он забыл, а идти второй раз было уже невозможно. Тогда в музей был вызван знаменитый взломщик, который добыл из сундуков древние драгоценные облачения, в том числе епитрахиль святителя Филиппа, митрополита Московского. Утром все было возвращено обратно тем же порядком.

После смерти Святейшего Патриарха Тихона советскими властями была сделана еще одна попытка расколоть Русскую Церковь. Этот раскол должен был возглавить архиепископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский), который после переговоров с Тучковым выразил свое согласие возглавить церковную группу иерархов. Но необходимо было привлечь к расколу архиерея, обладавшего бесспорным авторитетом, за которым пошли бы другие иерархи.

И, конечно, желательно было, чтобы этот архиерей в данный момент находился в заключении и не имел полноценных сведений о происходящих в Церкви событиях.

В конце лета 1925 года архиепископа Илариона перевели в Ярославскую тюрьму, в политический изолятор «Коровники». Ему были даны всевозможные послабления – он находился в отдельной камере, и ему было разрешено читать любые книги, писать и даже после цензуры отправлять на волю написанное.

В его письмах этого периода он неизменно благодарит Господа за все, дарованное ему:

«Я уже привык не сидеть в тюрьме, а жить в тюрьме, как ты живешь в своей квартире... Зато есть у меня преимущества в моей жизни, из-за которых я согласен терпеть и разные нелепости... В самом деле. Имею здесь отдельную келью, с достаточным освещением, с почти достаточным отоплением – и все это бесплатно... Но главное... самое милое то, что я могу без помехи отдаться своей первой и постоянной любви – науке, с которой жизнь было меня совсем разлучила... Здесь... меня ничто и никто не отвлекает. Кроме двух часовых прогулок в день да нескольких минут на обед или чай – остальное время и провожу за книгами... Словом, у меня настроение и духовное содержание жизни такое же, как было пятнадцать лет назад. Не хватает одного – академической библиотеки. Будь академическая библиотека, я бы попросил здесь приюта не до конца этого года, а по крайней мере до конца этого десятилетия. Что же поделаешь, если место для науки, интересной и важной для меня, только в тюрьме?.. Ведь вот как устраивает Господь (через ОГПУ) жизнь мою: живу без нужды и без забот вот уже четыре года. Только и думаешь, какие и как книги достать. И это по моим указаниям добрые люди успешно исполняют... Вот и все мои заботы!»

В Ярославле с владыкой Иларионом дважды беседовал Тучков, который пытался склонить его к расколу, обещая свободу и сан митрополита. Тучков пытался льстить святителю: «Вас Москва любит, вас Москва ждет», пытался угрожать: «А сколько вы имеете срока на Соловках? Три года?! Для Илариона три года?! Так мало?» Но владыка ответил категорическим отказом. Там же, в Ярославле, в разговоре с обновленческим епископом Гервасием владыка Иларион сказал: «Я скорее сгину в тюрьме, но своему направлению не изменю».

Весной 1926 года святитель Иларион был отправлен обратно на Соловки. В пересыльный лагерь на Поповом острове владыка прибыл незадолго до Пасхи. Пасхальную заутреню владыка Иларион служил вместе с епископом Нектарием (Трезвинским) и священником Павлом Чехрановым в недостроенной пекарне, несмотря на строгое запрещение лагерного начальства.

С началом навигации владыка Иларион был перевезен с Попова острова на Соловки, где 7 июня участвовал в тайном совещании, посвященном положению Церкви. В результате совещания появилась знаменитая «Памятная записка Соловецких епископов», обращенная к правительству СССР. Этим документом Русская Церковь устами своих святителей и исповедников выразила свой взгляд на крайне трудную и болезненную тему взаимоотношений Православной Церкви и советского государства.

В ноябре 1926 года заканчивался срок заключения владыки Илариона, и он вновь был перевезен на материк. 19 ноября 1926 года особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило святителя Илариона еще к трем годам заключения на Соловках: «...Гражданин Троицкий, находясь в ссылке, не прекратил контрреволюционной работы и является социально опасным элементом». Его обвинили в «разглашении государственных тайн», то есть разглашении его разговора с Тучковым в Ярославской тюрьме. Прибыв на Соловки, владыка шутил: «На повторительный курс оставлен».

Осенью 1927 года возникло новое разделение, отчасти вызванное появлением «Декларации митрополита Сергия», в которой заявлялось о лояльности властям. Владыка Иларион предостерегал всех от раскола, прекрасно понимая вынужденность некоторых мер. «Никакого раскола! – говорил он. – Что бы нам ни стали говорить, будем смотреть на это как на провокацию!»

«Что реку о сем? – писал владыка Иларион в своих письмах. – А то, что всем отделяющимся я до крайней степени не сочувствую. Считаю их дело совершенно не основательным, вздорным и крайне вредным. Не напрасно каноны 13–15 Двукратного Собора определяют черту, после которой отделение даже похвально, а до этой черты отделение есть церковное преступление. А по условиям текущего момента преступление весьма тяжкое... Я ровно ничего не вижу в действиях митрополита Сергия и Синода его, что бы превосходило меру снисхождения и терпения».

В это время архиепископ писал своей родственнице: «Выкинут я стихией на далекий остров. Но сожаления я стараюсь не растравливать в душе моей, на окружающее стараюсь не обращать внимания, а жизнь наполнять тем, чем можно. И так за долгие годы привык и живу не тужу. На лучшее не надеюсь, от худшего не отрекаюсь. Какова о мне воля Божия – так пусть и будет».

В конце 1929 года власти приговорили владыку Илариона к трем годам ссылки в Казахстане. Самое мучительное было то, что к месту ссылки, через всю страну, владыка должен был ехать этапным порядком, останавливаясь на неопределенный срок в пересыльных тюрьмах. Почти сразу же после отправки на материк его обокрали, и в Ленинград он прибыл на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы уже больным, в кишасщем паразитами рубище.

19 декабря владыка был помещен в тюремную больницу им. Гааза, путь к которой ему пришлось пройти пешком, страшно изнемогая от болезни. Из больницы он писал: «Я тяжело болен сыпным тифом, лежу в тюремной больнице, заразился, должно быть, в дороге, 28 декабря решается моя участь (кризис болезни), вряд ли переживу...»

В больнице ему сказали, что его надо обрить, владыка ответил: «Делайте со мной теперь, что хотите...» В бреду он говорил: «Вот теперь-то я совсем свободен». По рассказу М.Ф.Анфимовой, дочери последнего протодиакона Воскресенского Новодевичьего монастыря, перед смертью владыку Илариона причастил Святых Христовых Таин келейник митрополита Серафима (Чичагова) иеромонах Никандр.

За несколько минут до кончины к нему подошел врач и сказал, что кризис миновал и теперь он может поправиться. Святитель в ответ едва слышно сказал: «Как хорошо. Теперь мы далеки от...» И с этими словами тихо скончался. Преставился владыка 28 декабря 1929 года, в 4 часа 20 минут утра.

Митрополит Серафим (Чичагов), занимавший тогда Санкт-Петербургскую кафедру, попросил для погребения тело почившего святителя. Власти поставили условие, чтобы не было никаких надгробных речей. Ночью грубо сколоченный гроб выдали родственникам. Святителя было невозможно узнать. В гробу лежал изможденный старец с обритой головой. Владыке Илариону было всего 43 года.

Тело почившего владыки в белом архиерейском облачении самого митрополита Серафима было положено в другой, лучший гроб. Отпевание было совершено в Воскресенском соборе Новодевичьего монастыря. В отпевании и погребении принимали участие митрополит Серафим (Чичагов), архиепископ Хутынский, будущий патриарх Московский Алексей (Симанский), епископ Николай (Ярушевич), епископ Лужский Амвросий (Либин), епископ Лодейнопольский Сергей (Зенкевич) и множество духовенства.

На отпевание пришло несколько тысяч верующих, народом был заполнен весь монастырский двор и прилегающее кладбище. Надгробные речи были запрещены, но владыка Николай так прочитал заповеди блаженства, что все присутствующие рыдали. Каждая из этих заповедей была исполнена святителем: «Блажени нищии духом... Блажени миротворцы... Блажени, егда поносят вас... Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех»...

5

В Москве 8–9 апреля 1998 года Священный Синод Русской Православной Церкви под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II рассматривал вопрос о канонизации архиепископа Илариона (Троицкого). 24 июля того же года по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира были обретены мощи новомученика и положены в Казанском храме Воскресенского Новодевичьего монастыря Санкт-Петербурга.

10 мая 1999 года состоялась канонизация священномученика Илариона в лике местночтимых святых, и его мощи были перенесены из Санкт-Петербурга в Москву, в Сретенский монастырь, в котором он был одним из последних настоятелей. Божественную литургию и торжества канонизации в этот день возглавил в Сретенском монастыре Святейший Патриарх Алексий.

13–16 августа 2000 года в Москве состоялся Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. На исходе второго христианского тысячелетия Русская Православная Церковь принесла Христу плод своих голгофских страданий – великий сонм святых мучеников и исповедников Российских XX века. «Боголюбивая полнота Русской Православной Церкви благоговейно хранит святую память о жизни, подвигах исповедничества святой веры и мученической кончине иерархов, священнослужителей, монашествующих и мирян, вместе с царской семьей засвидетельствовавших во время гонений свою веру, надежду и любовь ко Христу и Его Святой Церкви даже до смерти... Рассмотрев церковное Предание и мученические акты о подвигах новомучеников и исповедников Российских XX века, которым было дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него (см.: Флп 1, 29), освященный Архиерейский Собор единомысленно определил прославить для общецерковного почитания в лике святых новомучеников и исповедников Российских XX века, поименно известных и доньше не явленных, но ведомых Богу» (См.: Сборник документов и материалов Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви. Москва, 13–16 августа 2000. – Нижний Новгород, 2000).

Среди пострадавших за веру – имя архиепископа Вереяского Илариона (Троицкого). Память его празднуется 15 (28) декабря, в день его смерти, и 28 апреля (10 мая), в день перенесения его мощей в Сретенский монастырь.

Христианства нет без Церкви

Верую во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь

Архимандрит Иларион (Троицкий) – инспектор Московской духовной академии

Так в девятом члене Символа веры исповедует каждый православный христианин свою веру в великую истину Церкви.

Но едва ли можно указать иной член Символа веры, который столь мало воспринимался бы сердцем человека, устами читающего Символ веры, как именно девятый, где и выражена истина Церкви. Отчасти это и понятно. Ведь именно в девятом члене Символа веры человек исповедует свою связь с видимым обществом последователей Христовых, и тем самым уже в этих кратких словах исповедания он дает обещание соглашаться со всеми истинами, преподаваемыми Церковью, которая признается хранительницей Христова учения и в жизни своей подчиняется всем тем законам, которыми Церковь достигает цели своего существования и по которым она как общество, живущее на земле, управляется. Поэтому, думается, мы не погрешим, если выскажем ту мысль, что истина Церкви по преимуществу перед всеми другими

касается самой жизни каждого христианина, определяет не только его верование, но и саму его жизнь. Признать Церковь – это значит не мечтать только о Христе, а жить по-христиански, идти путем любви и самоотречения. Вера в Церковь требует подвига и от ума, и от воли человека. А потому-то и противна истина Церкви тем началам жизни, которые долгим путем и незаметно вкрались в сознание и самосозерцание даже и русского православного общества, преимущественно, конечно, так называемого общества интеллигентного и образованного. С печальных для Церкви времен Петра I верхи русского общества оторвались от церковной народной жизни и стали жить, скорее, общей жизнью со всеми другими европейскими народностями, только не с русской. Подчиняясь западному влиянию во всех областях жизни, русское общество не могло избежать влияния и на строй своего религиозного мирозерцания со стороны западных исповеданий. А эти исповедания недаром верный сын Православной Церкви и святой родины А.С.Хомяков¹ называл «ересями против догмата о существовании Церкви, против ее веры в самое себя», и отрицание Церкви не напрасно он считал самой характерной чертой и католичества, и протестантства.

Истина Церкви много была искажена на Западе после отпадения Рима от Церкви, и Царство Божие стало походить там на царство земное. Латинство с его земными счетами добрых дел, с его наемническим отношением к Богу, с его подделкой спасения помрачило в сознании своих членов христианскую идею Церкви.

Латинство породило вполне законное, хотя и весьма непокорное чадо в лице протестантства. Протестантство не было лишь протестом подлинного древнецерковного христианского сознания против тех искажений истины, которые были допущены средневековым папством, как это нередко склонны представлять протестантские богословы. Нет, протестантизм был протестом одной человеческой мысли против другой; он не восстановил древнего христианства, а одно искажение христианства заменил другим, и была новая ложь горше первой.

Протестантизм сказал последнее слово папизма, сделал из него конечный логический вывод. Истина и спасение даны любви, то есть Церкви, – таково церковное сознание. Латинство, отпав от Церкви, изменило этому сознанию и провозгласило: истина дана отдельной личности папы – пусть одного папы, но все же отдельной личности без Церкви, – и папа же заведует спасением всех. Протестантизм только возразил: почему же истина дана одному лишь папе? – и добавил: истина и спасение открыты всякой отдельной личности независимо от Церкви. Каждый отдельный человек был произведен в непогрешимые папы. Протестантизм надел папскую тиару на каждого немецкого профессора и со своим бесчисленным количеством пап совершенно уничтожил идею Церкви, подменил веру рассудком отдельной личности и спасение в Церкви подменил мечтательной уверенностью в спасение через Христа без Церкви, в себялюбивой обособленности от всех. Для протестанта истина – только то, что ему нравится, что он сам считает за истину. На практике, конечно, и протестанты с самого начала окольными путями, контрабандой, так сказать, ввели некоторые элементы догмата о Церкви, признав кое-какие авторитеты, хотя бы в области только вероучения. Будучи по существу церковным анархизмом, чистый протестантизм, как и всякий анархизм, оказался совершенно не осуществим на деле и тем самым засвидетельствовал перед нами ту непреложную истину, что душа человеческая по природе церковна.

Однако протестантизм пришелся весьма по сердцу человеческому себялюбию и своеволию всех родов. Себялюбие и своеволие получили в протестантизме как бы некоторое освя-

---

¹ Хомяков А.С. (1804–1860) – русский религиозный философ, поэт и публицист, основатель славянофильства. Его взгляды характеризуются критикой католицизма, протестантизма, немецкого классического идеализма и западников – представителей одного из направлений русской общественной мысли, признававших необходимость развития России по западноевропейскому пути. В центре его воззрений – учение о «соборности», «кафоличности», цельности, характерной не только для христианской Церкви, но и для самого человека. Соборность общества устраивается на принципе христианской любви, а Православие является для России источником просвещения и единения. – *Прим. ред.*

щение и благословение, что сказалось и ныне обнаруживается в бесконечном делении и дроблении прежде всего самого протестантизма. Именно протестантизм открыто провозгласил эту величайшую ложь: можно быть христианином, не признавая никакой Церкви. Связывая же, однако, своих членов некоторыми обязательными авторитетами и церковными правилами, протестантизм тем самым запутывается в безвыходном противоречии: сам же освободил личность от Церкви и сам же ставит некоторые границы этой свободе. Отсюда постоянный бунт протестантов против тех немногих и жалких остатков церковности, которые все еще сохраняются официальными представителями их исповедания.

Вполне понятно, что именно протестантизм наиболее соответствует общему утвердившемуся на Западе настроению. Там, на Западе, достигли большого благоустройства внешней жизни, и люди возгордились этими успехами, полюбили себя до забвения и Бога, и ближних. Греховное себялюбие, презрение к ближнему там проповедают и модная философия, и художественная литература. Как же гордый европеец примет учение о Церкви, когда для того, чтобы принять это учение, прежде всего следует отрешиться от себялюбия и своеволия, подчиниться Церкви и научиться любить людей, смиренно себя поставив ниже других?

В современной нам религиозной жизни русского общества есть непосредственное влияние протестантизма.

Все наше русское рационалистическое сектантство имеет все свои идейные корни в протестантизме, от которого иногда непосредственно и происходит. Ведь откуда к нам едут всякие сектантские миссионеры, как не из стран протестантских? А потому почти все пункты разногласия сектантов с Церковью Православной сводятся к отрицанию Церкви во имя мнимого «евангельского христианства».

Но и независимо от лжеучения протестантизма весьма многие приходят теперь к отрицанию Церкви, усваивая вообще западно-европейское мирозерцание, развившееся вне Церкви и духу Церкви совершенно чуждое и даже враждебное.

Больше и больше проникает к нам западноевропейское себялюбие. Наша литература, которая раньше была проповедницей любви и нравственного возрождения, особенно в бессмертных произведениях великого Достоевского, в последние годы в лице, например, Горького, Андреева и им подобных преклонила колена пред западноевропейским Ваалом гордого себялюбия и самообожения. Когда и в православном обществе любовь вытесняется гордостью и самолюбием, когда гордость получает почтенное название «благородной», хотя святые отцы Церкви говорят о самолюбии и гордости только бесовских, когда самоотречение сменяется самоутверждением и смиренное послушание – гордым своеволием, тогда, конечно, окутывается густым туманом светлая истина Церкви, неразрывно связанная с добродетелями, прямо противоположными этим порокам.

В течение уже долгих лет отвыкали русские люди мыслить по-церковному, постепенно даже потеряли мысль о Церкви как о новой Христовой жизни. Было некогда доброе время, когда И.Т.Посошков² завещал сыну своему: «Аз тебе, сыне мой, твердо завещаю и заклинаю, да всеми своими силами держишься Святыя Восточныя Церкви, яко рождышия тя матере... и всех противников Святыя Церкви отревай от себя и никакого с ними сообщения дружескаго не имей, понеже они враги суть Божии»³. Какая ясность и определенность мысли! По мысли Посошкова, противник Церкви – непременно враг Божий. Такую ясность мысли весьма многие теперь уже потеряли, и мало-помалу создалась в наши дни самая ужасная подделка веры Христовой. Именно на эту веру посмотрели только как на учение, которое можно принимать одним

---

² Посошков И.Т. (1652–1726) – самоучившийся русский экономист и публицист. Главный труд – «Книга о скудости и богатстве» (1724). По силе языка и по массе в ней затронутых вопросов, по богатству мыслей это сочинение дает право называть автора первым русским экономистом. Скончался в Петропавловской крепости. «Завещание отеческое» – своеобразный домострой XVII в. – Прим. ред.

³ Завещание отеческое / Под ред. Прилежаева Е.М. СПб., 1893. С. 3, 6.

умом. Христианство, в смысле церковной жизни возрожденного Христом Спасителем человечества, совсем почти позабыто. Христос Сам сказал, что Он создаст Церковь, но разве теперь говорят о Церкви? Нет, теперь предпочитают говорить о христианстве, причем христианство рассматривают как какое-нибудь философское или нравственное учение. Христианство – это звучит как новокантианство или ницшеанство! Эта подделка Церкви христианством, как тонкий яд, проникает в сознание даже церковного общества. Она – тонкий яд, потому что скрыт он под цветистой оболочкой громких речей о недостатках «исторического христианства» (то есть Церкви?), о его будто бы несоответствии какому-то «чистому», «евангельскому» христианству. Евангелие и Христос противопоставляются Церкви, которая почему-то называется «исторической», как будто есть или была когда-нибудь другая, «неисторическая» Церковь! Воистину здесь сатана принял образ Ангела света. Он делает вид, будто правду Христову очистить хочет от неправды человеческой. Невольно вспоминается при этом мудрое изречение преподобного Викентия Леринского: «Когда увидим, что некоторые приводят апостольские или пророческие изречения в опровержение вселенской веры, мы не должны сомневаться в том, что устами их говорит диавол; а чтобы незаметнее подкрасться к простодушным овцам, прячут они свой волчий вид, не покидая волчьей лютости, и, как руном, окутываются изречениями Божественного Писания, чтобы, чувствуя мягкость шерсти, никто не побоялся их острых зубов»⁴.

Это – свойство гордого и себялюбивого человека, что обо всем он рассуждает смело и самоуверенно, хотя бы и не понимал, о чем он говорит. Особенно ясно обнаруживается это в вопросах веры. Здесь все хотят быть учителями, апостолами и пророками. Здесь не смущаются даже своим полным невежеством. В других областях люди ничего не знающие предпочитают хоть молчать. Но в вопросах веры у нас теперь больше всего рассуждают и проповедуют те, кто меньше всего в этих вопросах понимает. Ведь еще апостол Павел говорил, что, кто отступил от чистосердечной любви, от доброй совести и нелицемерной веры, *те уклоняются в пустословие, желая быть законоучителями, но не разумея ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают* (1 Тим 1, 5–7). Во всем этом современном пустословии особенно часто проскальзывает печальное недоразумение, которое можно назвать отделением христианства от Церкви. Потому люди и начинают рассуждать слишком самоуверенно о делах веры, что допускают возможность существования какого-то христианства, не только независимого от Церкви, но даже и враждебного Церкви. Полагают, что можно быть христианином и в то же время враждовать против Церкви. Теперь совершенно по-разному относятся к Церкви и к христианству. Люди, которые мало думают о Боге и о вечности, все же считают как бы долгом приличия хоть на словах отозваться о христианстве с почтением. До полного и открытого презрения к христианству, до открытой вражды к нему у нас дело еще не дошло. Этого предела достигли только немногие *насилованные от диавола* (Деян 10, 38), наиболее «передовые» (если, конечно, считать по направлению к аду) отщепенцы. Рядовые же «обыватели», повторяем, о христианстве говорят обыкновенно с некоторым почтением: «Христианство, о! – это, конечно, высокое и великое учение. Кто же против этого спорит?» Так примерно отзываются о христианстве. Но в то же самое время считается как бы признаком хорошего тона быть в какой-то бессознательной вражде ко всему церковному. В душе многих наших современников как-то вместе уживаются почтение к христианству и пренебрежение к Церкви. Христианами, по крайней мере, не стесняются называть себя почти все, но о Церкви и слышать не хотят и стыдятся чем-либо обнаруживать свою церковность. Люди, по метрикам значащиеся «вероисповедания православного», с каким-то непонятным злорадством указывают на действительные, а чаще всего вымышленные недостатки церковной жизни, не скорбят об этих недостатках по заповеди апостола: *Страдает ли один член, страдают с ним все члены* (1 Кор 12, 26), но именно злорадствуют. В нашей так называемой «прогрессивной» печати есть множество лиц, которые добывают себе средства

⁴ Напоминания. I, 25–26. Казань, 1904. С. 47–48.

к существованию исключительно почти клеветой на церковные учреждения, на представителей церковной иерархии. Клевета на все церковное стала теперь для некоторых просто выгодным ремеслом. Но этой-то заведомой лжи спешат верить без всякого сомнения даже те, кто считает себя настоящим христианином. У недобрых людей бывает так, что когда слышат они что-нибудь дурное о своих врагах, то очень спешат всему этому дурному верить, боясь, как бы это дурное не оказалось неправдой. Вот именно то же самое постоянно приходится наблюдать и в отношении многих к Церкви. Церковь для них как бы враг, слышать дурное о котором всегда так приятно грешному человеку. Здесь мы опять-таки видим, как широко распространено теперь отделение христианства от Церкви: считают себя христианами, а о Церкви и слышать не хотят ничего доброго.

Тем более в среде, далекой от веры вообще, имеется налицо невообразимая путаница понятий. Когда люди, далекие от Церкви, начинают судить о ней, то ясно видно бывает, что они совершенно не понимают существа христианства и Церкви, а потому достоинства Церкви для них представляются ее недостатками. Сколько, например, вспышек какой-то слепой вражды к Церкви вызвало в свое время отлучение от Церкви Толстого! ⁵Ну разве повинна Церковь в том, что Толстой отступил от нее, сделавшись ее явным и опасным врагом? Ведь он сам порвал с Церковью как видимым обществом, отрицал необходимость Церкви вообще, считал ее даже вредным учреждением. Держать таких членов – не значило бы это для Церкви отрицать самое себя? Но если так, то что же значат все эти выпады против Церкви в печати, и в собраниях, и в устных беседах? Положительно, мысль отказывается понимать все это. Нет никакой возможности найти хоть ничтожную долю разумности в речах и поступках, о которых приходилось читать и слышать. Ведь за каждой политической партией признается неотъемлемое право отлучать от себя членов, которые изменили партийным взглядам и начали действовать во вред этой партии. Только Церковь Православная почему-то не может отлучать того, кто сам далеко ушел от нее и стал ее врагом! Только Церковь почему-то в своих недрах должна держать своих прямых врагов! Ну кто стал бы укорять и поносить всячески каких-нибудь социал-демократов или кадетов за то, что они перестали бы иметь общение со своим бывшим членом, когда он перешел бы в стан монархистов, и за то, что они публично объявили бы об этом разрыве, сообщая своим членам о происшедшем отпадении! Но печальнее всего то, что Церковь поносили многие во имя христианства. Приходилось тысячу раз слышать и читать: «Вот отлучили Толстого, а уж он ли не был истинный христианин?» Забывая все кощунства Толстого и его отрицание Христа Богочеловека, такие речи повторяли, по-видимому, люди искренние, а не одни только профессиональные газетные лжецы. Опять-таки заявляет о себе твердо засевшая в современных умах мысль о возможности какого-то «истинного христианства» без Церкви и даже Церкви резко враждебного.

Но разве возможно было бы что-нибудь подобное, если бы ясна была идея Церкви, если бы не была она подменена другими, совершенно непонятными и неопределенными величинами? Можно ли себе представить, чтобы в век апостольский христианская Церковь подвергалась каким-либо укоризнам со стороны язычников за то, что она отлучает от себя негодных членов, например, еретиков? А ведь в первые века отлучение от Церкви было самой обычной мерой церковной дисциплины, и все считали эту меру вполне законной и весьма полезной. Почему же так? А потому именно, что тогда Церковь выступала яркой и определенной величиной, именно Церковью, а не христианством каким-то. Тогда не оставалось места для нелепой мысли о том, будто христианство – одно, а Церковь – другое, будто возможно христианство и помимо Церкви. Тогда вражда против Церкви была враждой и против христианства.

---

⁵ См. «Определение Святейшего Синода от 20–23 февраля 1901 года № 557 с посланием верным чадам Православной Греко-Российской Церкви о графе Льве Толстом». Подробнее см. также: Духовная трагедия Льва Толстого: Сб. Сост. Стрижева А.Н. М.: Подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры: Отчий дом, 1995. – *Прим. ред.*

Вражда же против Церкви во имя якобы какого-то христианства – это исключительно явление наших печальных дней. Когда христианство являлось в очах мира именно Церковью, тогда и сам этот мир ясно понимал и невольно признавал, что Церковь и христианство – одно и то же. Но вот какой-то резкой определенности и как бы отъединенности Церкви от всего того, что не есть Церковь, теперь и недостает. В Церкви у нас теперь держат положительно всех, даже тех, кто сам просит его отлучить, как это было после отлучения Льва Толстого. Церковной дисциплины, можно сказать, нет никакой: все для интеллигентных мирян стало необязательным – и посещение богослужения, и исповедь, и причастие. А потому Церковь как видимое общество и не имеет теперь ясных и определенных границ, которые отделяли бы ее от «внешних».

Иногда кажется, будто бы Церковь наша в рассеянии, как бы в каком разброде. Не узнаешь, кто наш, кто от супостат наших. Царствует в умах какая-то анархия. Слишком много появилось «учителей». Идет распря в телеси (см.: 1 Кор 12, 25) церковном. В древней Церкви учил епископ с горнего места; теперь тот, кто сам о себе говорит, что он лишь «в притворе», даже только «около церковных стен», считает же, однако, себя вправе учить всю Церковь вместе с иерархией. О церковных делах узнают и мнение о них составляют по явно враждебным Церкви «публичным листам» (так называл газеты митрополит Филарет), где по церковным вопросам пишут или расстриженные попы и всякого рода церковные ренегаты, или вообще озлобленные и *наглые ругатели* (2 Пет 3, 3), люди, никакого отношения к Церкви не имеющие и ничего, кроме вражды, к ней не чувствующие, даже прямые враги Христа.

Состояние печальное! Вот это-то печальное положение нашей современности и должно всякого, кому дорога вера и вечная жизнь, побуждать проверить основное заблуждение современного нам предрассудка, по которому можно отделять христианство от Церкви. При руководстве слова Божия и писаний святоотеческих следует во всей глубине продумать этот важный вопрос: возможно ли христианство без Церкви?

Жизнь Христа Спасителя представляет для читающего Святое Евангелие весьма много великих моментов, которые наполняют душу именно каким-то особым чувством великого. Но, может быть, то именно была величайшая минута в жизни всего человечества, когда Господь Иисус Христос во мраке южной ночи под нависшими сводами зеленеющих деревьев, сквозь которые как бы само небо смотрело на грешную землю мерцающими яркими звездами, в Своей первосвященнической молитве возгласил: *Отче Святый! соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы... Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их, да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино* (Ин 17, 11, 20–21). На эти слова Христа следует обратить особенное внимание. В них ясно определена сущность всего христианства: христианство не есть какое-либо отвлеченное учение, которое принимается умом и содержится каждым порознь. Нет, христианство есть общая жизнь, в которой отдельные личности настолько объединяются между собой, что их единение можно уподобить единству Лиц Святой Троицы. Ведь Христос не молится о том только, чтобы сохранилось Его учение, чтобы оно распространилось по всей вселенной. Он молится о жизненном единстве всех верующих в Него. Христос молится Своему Небесному Отцу об устройении или, лучше сказать, о воссоздании на земле природного единства всего человечества. Человечество создано единым (см.: Деян 17, 26). «У людей, – пишет святой Василий Великий, – не было бы ни разделения, ни раздоров, ни войн, если бы грех не рассек естества...» И «это главное в спасительном домостроении во плоти – привести человеческое естество в единение с самим собой и со Спасителем и, истребив лукавое сечение, восстановить первобытное единство подобно тому, как наилучший врач целительными врачевствами вновь связывает тело, расторгнутое на многие части»⁶

⁶ Подвижнические уставы. 18. Творения. Ч. 5. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1902. С. 359–360.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.